МАСТЕРОВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ НИГДѢ НЕ ПРОПАДЕТЪ.

Въ одномъ изъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ командиръ заботился о томъ, чтобы всѣ кантонисты, у кого только есть охота къ какому ремеслу, обучались ему прилежно и выходили мастеровыми. Въ этомъ баталіонѣ было два товарища дружныхъ: Скандаковъ и Жереховъ; оба они были добрые ребята, оба учились хорошо, а не ладили промежъ собой въ одномъ только: Жереховъ самъ напросился у маіора въ мастеровые и на досугѣ всегда занимался въ столярной; а Скандаковъ не сталъ учиться ремеслу, ни столярному, ни сапожному, ни слесарному; отговаривался все тѣмъ, что нѣтъ-де въ рукахъ у меня ловкости, не смогу ни за что взяться — да такъ и навелъ на то, что пошелъ на службу съ одной грамотой.

Скандаковъ, какъ хорошій писецъ, все доброе чаялъ отъ письма своего и надѣялся попасть на службу въ писаря. Оно бы конечно такъ и сталось, кабы судьба ему не поперечила: ни съ того, ни съ сего прикинулся къ указательному персту на правой рукѣ волосъ, сдѣлался ногтоѣдъ, тамъ перешло въ костоѣдъ и кончилось тѣмъ, что бѣдный Скандаковъ нашъ остался безъ пальца, то есть, не могъ свободно владѣть имъ, не могъ и писать, и попалъ и съ грамотою своей въ рядовые. Ну этому никто не виноватъ; власть Господня.

На службѣ, извѣстно, не пропадешь: Государь кормитъ. Такъ жилъ и служилъ Скандаковъ, тужилъ, правда, иногда, о прошломъ, да какъ пенять было не на кого, такъ молчалъ. Наконецъ пришло такое время, что вздумалъ онъ жениться; а гдѣ стоялъ въ то время полкъ, тамъ нашлась и невѣста, — хорошая дѣвка и съ хорошимъ приданымъ. Случись же, какъ нарочно, что за ту же дѣвку посватался въ одно время со Скандаковымъ еще и другой солдатъ, также парень хорошій, да къ тому еще и

сапожникъ. Отецъ невѣсты разсудилъ, что, коли быть дочери его за солдатомъ, такъ лучше быть за такимъ, у котораго есть про запасъ и руки, который, въ случаѣ чего, такъ и прокормитъ свою семью; и отказали Скандакову, а дѣвку отдали за Романова, за сапожника.

Горько было это Скандакову и въ первый разъ отъ-роду помянулъ онъ давнишнія слова стараго товарища своего Жерехова: «кабы я выучился въ баталіонѣ ремеслу, такъ теперь не былъ бы безъ рукъ; палецъ мой не помѣшалъ бы мнѣ работать, это не чистописанье.» Потужилъ — да и забылъ; больше дѣлать нечего.

Сталъ однако же поглядывать Скандаковъ на товарищей своихъ, отчего-де такой-то всегда съ деньгами и ни въ чемъ не нуждается? Оттого, что онъ портной; не сумѣетъ сшить офицерскаго мундира, либо нѣмецкаго чистаго платья, а на мѣщанъ и на купцовъ работаетъ, обшиваетъ и денщиковъ иныхъ, и все копейка, другая перепадаетъ. Разница

большая, подумалъ Скандаковъ, итти, когда нужда настанетъ, по–моему, въ поденщики работать съ зари до зари въ поту лица и взять пятиалтынный, или поковырять иголочкой, сидя на мѣстѣ, дня два, три, и взять рублей восемь за работу.

Случилось Скандакову во время похода пойти со взводомъ въ конвой за письменной фурой, которую перевозили куда–то съ мѣста на мѣсто. На дорогѣ вдругъ лопнула шина; стала фура, нельзя ѣхать, а кузнецовъ близко нѣтъ. Засуетился баталіонный адъютантъ, который былъ тутъ же при фурѣ, давай разсылать людей туда–сюда, искать кузницы. Наконецъ нашли: кузница есть въ деревнѣ по проселочной дорогѣ близехонько, да кузнецъ недавно померъ и работать некому; а опричь этой кузницы, ближе какъ верстъ за 60, другой нѣтъ. Какъ тутъ быть? Непріятель не за горами, того гляди ночью нагрянетъ — фуры бросить нельзя никакъ, а помощи также ждать не откуда. Ребята, сказалъ адъютантъ, да неужто у васъ не найдется

изъ цѣлаго взвода человѣкъ, чтобы съумѣлъ сварить шину?

Скандаковъ былъ парень ретивый, за это любили его и начальники. Бывало, гдѣ нужда, изъ шкуры лѣзетъ, чтобы угодить и не отстать по службѣ; стучитъ сердце въ немъ, почитай вслухъ, такъ вотъ и порывается, чтобы взяться за дѣло, пособить горю — такъ нѣтъ, безъ рукъ стоитъ, не умѣетъ взяться ни за что; только вздыхаетъ, сердечный, и молчитъ. «Вотъ, думаетъ, кабы я въ баталіонѣ послушалъ добраго слова Жерехова, такъ теперь не стоялъ бы передъ бѣдой, да хлопалъ глазами; тамъ бы я шутя выучился кузнечному мастерству — и пошла бы наука въ прокъ.»

Между тѣмъ вызвался другой солдатъ, говоритъ: «коли лучшаго кузнеца нѣтъ, такъ прикажите мнѣ попытаться, авось какъ нибудь справимся.» Стащили колесо въ кузницу, принялся за него нашъ мастеръ и сдѣлалъ дѣло. И всѣ ему спасибо; ай да Ѳедоровъ, выручилъ изъ бѣды, исполать молодцу, спасибо! Поблагодарилъ и

адъютантъ, поблагодарилъ и полковникъ. Завидно, правда, было немного Скандакову глядѣть на Ѳедорова, да пришлось смолчать.

Ну, много было такихъ случаевъ во время всей службы Скандакова, и часто приходилось ему жалѣть, что упустилъ онъ время, когда можно было выучиться ремеслу шутя и теперь не сумѣетъ ни за что взяться; да покуда былъ онъ на службѣ, такъ все ничего; а вотъ какъ пустили его на подножный кормъ, какъ вышелъ въ отставку унтеромъ, да пришлось добывать свой хлѣбъ, такъ въ тѣ поры на себѣ позналъ Скандаковъ, какъ онъ былъ самъ за себя виноватъ, и часто не зналъ, куда дѣваться. На службу пошелъ онъ молодымъ парнемъ, былъ всегда здоровъ, такъ и года выслужилъ, какъ былъ только что въ самой порѣ; казалось бы ему ль не заработать свой кусокъ хлѣба? а трудно было и тяжело. Служить у господъ — такъ не всегда мѣсто найдешь, да и не всегда мѣсто и служба по тебѣ придется; работать въ поденщинѣ — работалъ Скандаковъ, да

иногда тяжеленько было, а выручки не много, да и работа не каждый день попадалась. Вотъ Скандаковъ однако же кой-какъ сколотилъ небольшія деньжонки, купилъ лошадку съ телегой, да и пошелъ въ извозъ. Отъ этого онъ чаялъ скорѣе разжиться.

Повезъ Скандаковъ кладь какую-то на ярмарку въ Лебедянъ, прохарчился дорогой, кормы стояли дорогіе, да еще и не успѣлъ до мѣста доѣхать, какъ сталось съ нимъ новое горе: лошадь пала. Продалъ онъ задешево телегу и сбрую, да и пригорюнился крѣпко; заѣхалъ на чужую сторону и не знаетъ, что начать, куда дѣваться — а хлѣбъ и одежду заработать надо. Вотъ онъ и сталъ спрашивать у добрыхъ людей, не слыхать ли гдѣ работы какой, не нужно ли кому работника; ему и говорятъ, что есть-де у насъ въ Лебедянѣ столяръ, и живетъ хорошо и человѣкъ смирный; онъ-де на-дняхъ согналъ отъ себя работника, пьяницу, да теперь, никакъ, ищетъ другаго. Пошелъ Скандаковъ къ столяру этому, думаетъ

поспросить: не возьметъ ли его въ работники? Приходитъ — видитъ человѣкъ пять рабочихъ, дѣлаютъ стулья, столы, шкафы; спрашиваетъ: «гдѣ хозяинъ?» — подъ навѣсомъ — говорятъ, — на дворѣ, пошелъ выбирать лѣсъ. Отправился Скандаковъ туда: видитъ хозяина въ чистомъ рабочемъ платьѣ, въ курточкѣ, въ передникѣ, борода бритая и красная шапочка, на головѣ, короткая нѣмецкая трубочка въ зубахъ; такъ онъ ходитъ подъ навѣсомъ, переваливаетъ доски и жерди, выбираетъ на какую–то работу лѣсъ. «Здравствуйте» молвилъ Скандаковъ, поклонившись ему, «Богъ на помочь!» — Спасибо — отвѣчалъ хозяинъ, — что угодно вамъ? — Скандаковъ глядитъ въ глаза ему, не вѣритъ самъ тому, что видитъ; хозяинъ этотъ, столяръ, — старый товарищъ Скандакова, Жереховъ.

Тутъ пошли радости, спросы, разспросы, веселье; обнялись старые товарищи, разсказали другъ другу, кто что на вѣку своемъ видалъ да позналъ. Жереховъ, со дня отставки, жилъ себѣ

столярнымъ мастеромъ не хуже Нѣмца, кормилъ семью, работалъ честно и прилежно, и, покуда Господь даровалъ силы и здоровье, не заботился ни о чемъ.

Скандаковъ пошелъ въ работники къ Жерехову и радъ–радъ былъ, что нашелъ у хорошаго человѣка, да еще у стараго товарища своего, вѣрный кусокъ хлѣба.